

УГОЛОВНЫЙ ЗАКОН И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ОБ ОПАСНОСТЯХ СВЕРХКРИМИНАЛИЗАЦИИ

Заметки к московской конференции в декабре

*Нильс Кристи
Осло, Норвегия*

В настоящий момент я пишу небольшую книгу, которую я назвал «Преступления не существует». Что я имею в виду?

Я хочу этим сказать именно то, что я сказал. Преступления не существует, с самого начала. Прежде всего существуют деяния – события, то, что имело место. Но в таком случае, если это произошло среди людей, то нам необходимо будет понять эти деяния, дать им свое толкование. Но все люди не могут дать одному деянию одно и то же толкование. Одни увидят в нем героизм, другие – преступление. Одни найдут его обиденным, другие увидят в нем преступление. Целый ряд людей находят удовольствие в том, чтобы проводить границы между добром и злом. Все виды деяний открыты для нас:

... это деяние можно рассматривать как злонамеренное, он разбил ее окно; но может быть, он разбил его потому, что поскользнулся на тротуаре;

или

...он взял деньги из ящика другого человека; но этот человек мало платил ему в течение последнего рыболовного сезона. И не в его привычке было красть деньги у других людей. А ему действительно очень нужны были деньги.

или

...он избивал своего товарища, но намного ли сильнее, чем его самого избивали? И мог ли он нанести столь сильные удары?

или

... он рассматривал ее гениталии, а она его пенис, они были братом и сестрой, но им бы не более шести-семи лет, это период, когда дети постепенно готовятся к взрослой жизни,

или

... по сообщениям из Стокгольма, муж давал наркотики своей жене, а затем задушил ее. Затем он сообщил в полицию о том, что он совершил, и на этом бы история закончилась. Он написал, что

сядет на пароход в Финляндию, привяжет к своим ногам тяжелые камни и прыгнет в воду. Полиция получила письмо два дня спустя. Они обнаружили дверь в квартиру незапертой, как и было написано в письме. Они также нашли его жену. Тело было обмыто, а лицо было накрыто простыней. Ей было 86, а ему 78. У нее была болезнь Альцгеймера. Он долго за ней ухаживал, и теперь ее должны были увезти. Они были очень близки между собой, - сказал семейный доктор. Мы ищем этого человека, он подозревается в совершении преднамеренного убийства, - заявили в полиции.

Урок, который из этого можно извлечь, следующий. Деяния **сами по себе не существуют. Они становятся** деяниями.

Это происходит на нескольких уровнях. Классифицировать и оценивать – это задача человека. Деяния можно воспринимать и оценивать в соответствии с эстетическими нормами, они могут быть ужасными, благородными, замечательными. Деяние можно также оценивать с точки зрения его эффективности, способствовало ли его достижению какой-либо цели. Или, что наиболее важно для нашего исследования, было ли оно правильным или неправильным?

Преступления не существует, пока ему не дадут соответствующего толкования. Зачастую само понятие «преступление» – всего лишь этап в этом процессе, и это мнение меньшинства на этом этапе. Одна из задач криминологии – изучение условий, при которых деяния истолковываются как преступление и условий, в которых этим деяниям придается другой смысл.

Но давайте будем предельно открыты. Я не утверждаю, что действия, которые я считаю аморальными, не происходят в этом мире. Я не отрицаю, что некоторых людей расстреливают из оружия другие люди, что одни люди попадают под колеса автомобилей других людей, что происходит кража денег из квартир или со счетов, и что эти деяния многообразны во все времена и во всех странах. Дело в том, что толкование «преступности» того или иного противозаконного деяния постоянно меняется. «Преступление» - единственная квалификация, которая дается противозаконным действиям.

Имея такую перспективу, мы можем дать другую формулировку одного из центральных вопросов криминологии. Вместо того, чтобы задавать вопрос «Какова сейчас ситуация с преступностью?» «Преступность увеличилась, на том же уровне или снизилась?» мы сформулируем вопрос, во-первых как «О каких именно конкретных деяниях мы говорим, каковы темпы их роста: их стало больше или меньше по сравнению с прошлыми периодами?», а во-вторых, «В чем значение создавшейся ситуации? Если говорить о тех **социаль-**

ных условиях, в которых описываемые деяния квалифицируются как преступления, то они ужесточились, остались как и прежде или смягчились? Давайте рассмотрим последний вопрос.

Я полагаю, что существует три условия, при которых деяния квалифицируются как преступления.

1. Доля коллективного понимания

Кража – это когда берут вещи, принадлежащие другому. Но если мы глянем на повседневную жизнь простых людей, то все будет выглядеть гораздо сложнее. В своей предыдущей книге (Кристи, 1993, с. 21) я привел такой пример. Большинство детей практически всегда поступают так, что их деяния можно было бы квалифицировать как преступления. Например, иногда из кошелька исчезают деньги. Сын не говорит правду, во всяком случае, не всю правду, где он провел вечер. Он избивает своего брата. Но мы же не называем эти поступки уголовным преступлением. Мы же не называем ребенка преступником и не считаем его действия преступлениями.

Почему?

Потому что это неправильно.

А почему нет?

Потому что мы знаем слишком много. Мы знаем обстоятельства, при которых сыну срочно были нужны деньги, что он первый раз влюбился, что его брат дразнил его, пока тот не потерял терпения – его поступки были вполне осмысленными и вполне подходят под уголовное законодательство. И таких случаев – тысячи. Если мы осмыслим эту ситуацию в целом, то она не вписывается в юридические рамки. Он украл деньги, но мы помним, что он часто делился деньгами или конфетами или проявлял участие к другим людям. Он ударил своего брата, но чаще он успокаивал его; он лгал, но это мальчик, к которому испытываешь глубокое доверие.

И это действительно так. Но мальчика, который перебежал дорогу на красный свет, нельзя назвать закоренелым преступником.

Но давайте будем предельно открыты. Я не утверждаю, что действия, которые я считаю аморальными, не происходят в этом мире. Я не отрицаю, что некоторых людей расстреливают из оружия другие люди, что одни люди попадают под колеса автомобилей других людей, что происходит кража денег из квартир или со счетов, и что эти деяния многообразны во все времена и во всех странах. Дело в том, что толкование «преступности» того или иного противозаконного деяния постоянно меняется. «Преступление» - единствен-

ная квалификация, которая дается противозаконным действиям. ((повтор абзаца – Л.К))

Еще одним фактором, который способствует применению уголовного законодательства, а следовательно, квалификации деяний как преступлений, это то, что мы все больше и больше...

2. Живем в монолите

Я убежден в том, что за последнее время мы вернулись к той ситуации, когда один институт стал безраздельно господствовать над другими институтами. В современном обществе производство и потребление стало главенствующим. Разумеется не благодаря идеям какого-то одного человека или единого плана. Ни один диктатор не будет утверждать, что деньги и потребление – это цель жизни. Но вам это внушается. Не на крупных представлениях, парадах, без военных маршей, которые устраиваются перед появлением императора. Наше время – это время Кока-колы, Мальборо, Сиба-Гейгер или Вольво - в вас постоянно вдалбливают: смотрите на этих красивых людей, как они живут, как они достигли успеха. Какой позор, что вы не достигли успеха. Вам вдалбливают догмы, что рыночная экономика более эффективна, чем экономика тоталитарных стран.

В нашем обществе еще существуют, в которых можно услышать противоположные взгляды, познакомиться с альтернативными ценностями: укромные уголки, монастыри, академии, некоторые богемные круги, оппозиционные молодежные культуры. Но господствующие идеи провозглашаются в экономических институтах, занимающихся проблемами производства, прибыльности и потребления.

Такие общества, с предельно упрощенными системами вознаграждения, имеют свои внутренние проблемы. В многоинституционных обществах существуют институты, где тема денежного вознаграждения не является главной. Люди играют ради игры, гуляют по берегу реки ради прогулки, проводят досуг с друзьями или близкими ради общения. Тот факт, что все больше и больше видов деятельности становятся связанными с деньгами, приводит к тому, что начинают исчезать те виды деятельности, которые сами по себе являются вознаграждением. Хочу добавить еще следующее. Если деньги, использование денег, ставится целью деятельности, то для тех, кто их не имеет, жизнь становится печальной. Есть еще следующие моменты. Отсутствие денег становится показателем неудачи в жизни. В этой ситуации люди могут попасть в беду. Также и

общество в целом. Вот почему у нас есть система контроля за преступностью.

3. Удобно слабое государство

Наша жизнь – это жизнь в монолите. Это означает, что роль государства претерпела драматические изменения. Господствует его величество рынок. Функция мировой экономики – постоянное ослабление государств, приверженных более старым принципам, которые они считают для себя более важными. Если государство считает защиту социального равенства наиболее важной проблемой, а также такие проблемы, как бесплатное здравоохранение, выплата пособий незамужним матерям, субсидии на еду и бензин для живущих на окраине, то в этом случае государство начинает испытывать серьезнейшие проблемы. Более того, если государство обеспокоено предоставлением рабочих мест или защитой работников от слишком продолжительного рабочего дня, от увольнения с работы в случае снижения прибыли или всеобщего увольнения. Все это означает увеличение налогов и уменьшение власти экономических инвесторов. А это представляет собой более страшную угрозу имуществу большинства государств; они могут просто переехать из этого недружелюбного государства в более дружелюбное.

Старые землевладельцы также испытывают проблемы. Они глубоко укоренились в свою собственность. Некоторым нравится жить в своем поместье и пользоваться уважением своих соседей. Другие ведут себя более эксплуататорски, но и им приходится вкладывать в социальные связи. Они зависят от труда и минимума доверия, которое к ним испытывают их соседи. Такая же ситуация с теми, кто владеет фабриками или имеет свое дело. Если нет хотя бы минимального доверия, то это приведет к тому, что начнут полахать амбары, неожиданно останавливаться техника и никто не проводит тебя в холодную ночь для того, чтобы переехать фьорд. Новый тип владельцев, занимающихся перемещением денег, находятся в совершенно другой, исторически уникальной ситуации. Их собственность ничего не весит. Она перемещается нажатием нескольких кнопок. И они обладают свободой перемещения своей собственности. Это тип новых скитальцев, имеющих все необходимое для путешествия в те места, которые в любое время могут сбросить или приумножить их состояние.

Сегодня, в удобном слабом государстве, большинство политиков мечтает о том, чтобы главенствовали законы, особенно уголовные. Объяснение этому достаточно простое. Существует не так мно-

го областей, где политики или их партия, могут проявить себя. В условиях внеполитической экономики, отсутствия налоговых средств для социальных реформ, в обществе где прочно установился монолит и где даже иностранные и военные политики не представляют никакого интереса вследствие окончания холодной войны, в этой системе преступление выходит на тот план, который раньше занимала политика.

Сегодня мы можем наблюдать, как в Европе и США происходит жестокая борьба за то, чтобы утвердить себя в качестве лидера борьбы с преступностью. Об этом широко заявляет Билл Клинтон. Тони Блэр делает то же самое, но с немного другой формулировкой. В этой ситуации все стороны стараются перещегоолять друг друга. Других арен осталось совсем немного. Поэтому политика контроля за преступностью становится во главе угла. Сторонники удобного слабого государства доказывают свою ценность. Преступность – это то, без чего не может существовать слабое государство. Это приводит к ситуации, о которой мы можем сказать: **государства управляют через преступление**

Система контроля за преступностью – это не пассивная система реагирования, а активная система, система, обслуживания большинства и саму себя.

Мое утверждение наглядно подтверждается современной и знаменитой теорией обеспечения порядка в г. Нью-Йорке. Это теория разбитого окна. Одни говорят, что окна необходимо вставить, грязные надписи стереть, а человека, опорожняющегося в общественных местах, немедленно арестовать. Если эта грязь остается на своем месте, то можно говорить о том, что власти не контролируют ситуацию. А с беспомощностью властей необходимо бороться. Поэтому операции по чистке приобретают символический характер.

Но на это можно взглянуть и по-другому. Один мой коллега из Финляндии узнал из новостей, что в Нью-Йорке была проведена целая акция против тех, кто мочился в общественных местах. Он с удивлением говорил о том, почему муниципальные власти не построят больше общественных туалетов. Его удивление отражает суть вопроса. Стекольщики могут вставить новые окна, а грязные надписи можно стереть. Можно построить дополнительные общественные туалеты, а для алкоголиков построить жилища, наркоманам предоставить чистые помещения для употребления наркотиков и более дешевые места для потребления алкоголя. Когда этого нет, то мы подходим к ситуации, которую Саймон в 1977 г. сформулировал как *управление через преступление*. Может быть, люди мочащиеся на улицах, представляют собой большую опасность, чем убийцы.

Они нарушают порядок, они символизируют собой неуважение к односторонней игре. Но практическое улучшение ситуации и уровня жизни может привести к тому, что законность этого порядка будет поставлена под сомнение. Убийцы существовали всегда, они главные действующие лица в греческих драмах. Но кто и когда слышал о том, чтобы алкоголики или наркоманы представляли главную угрозу общества? Этого не было до сегодняшнего времени.

Вот почему нам необходима новая концепция. Нам необходима концепция

Удобных врагов

Войны не всегда были так уж плохи – для тех, кому не пришлось расплачиваться за свое участие. Враги не всегда представляют угрозу, они могут быть крайне полезны. Враги объединяются, дают возможности сменить приоритеты, привлечь внимание всех к одной проблеме и забыть о существовании других. Когда война подходит к концу, то вскоре всех охватывает меланхолия и подавленное состояние. Упрощенные задачи, которые господствуют во время войны, постепенно исчезают, жизнь вновь приобретает обыденный характер, и вновь вспыхивают давно забытые конфликты. Мечтой для всех президентов было бы появление новых врагов через год. Но далеко не все враги подходят.

Отличные враги – это те, кого *ненавидит* население, они тем лучше, тем больше их ненавидят. Это объединяет население.

Хорошие враги *выглядят сильными*. Это мобилизует.

Но в реальной жизни, врагам *приходится быть* слабыми, чтобы не представлять угрозу для власти. Хорошие враги – это *невидимые враги*. Это позволяет вести бесконечную войну против них. Некоторые из них могут прятаться в темноте.

Но угроза врагов должна быть реальной.

Наркотики обладают всеми необходимыми характеристиками, чтобы выступать в роли удобных врагов. Наркотики – это реальная угроза, те, кто их употребляет, становится от них зависимыми, начинает опускаться или умирает. Но в то же самое время мы знаем, что настоящие убийцы, по крайней мере в США и Европе – такие же вещества, как алкоголь и табак. Рациональными соображениями о защите здоровья войну против наркотиков объяснить невозможно.

Для того, чтобы понять эту войну, мы должны возвратиться к двум концепциям «Управление через преступление» и «Удобно слабое государство». Эти государства управляются посредством преступлений, и то, что понимается под незаконными наркотическими

средствами – не теми, которые производятся и распространяются в фармацевтической индустрии – является идеальной мишенью для слабых государств и в то же самое время идеально служат для того, чтобы установить тотальный контроль уголовного закона над беднейшими слоями населения западных индустриальных стран.

Тюремная ситуация

Эта политика будет имеет последствия для тюремной ситуации в современном обществе. Давайте начнем с Северной Америки. Слишком многое идет оттуда. Нам не нужна карта. Давайте взглянем на две цифры:

130

700

Первая цифра имеет отношение к Канаде – это количество заключенных на 100,000 населения. Вторая – к США. Обе цифры взяты из устных отчетов чиновников обеих стран. Две страны, граничащие друг с другом, один язык для большинства населения, одни средства массовой информации, одни традиции, одни мысли о деньгах. Но административная система одной близка к британской, где лучше функционирует система социального страхования.

Таблица 1. В ней представлены данные о США за 1997 г., где количество заключенных составляло 650 чел. на 100,000 населения. Общее количество тюремного населения за этот период, по поим оценкам, составляло 1,73 миллиона. 3,92 миллиона были условно освобождены или были на probation. Сложение этих двух цифр дает нам 5,65 миллионов, находящихся под контролем уголовного законодательства. В таблице также приведено соотношение количества заключенных на 100,000 населения. Из нее видно, что более 2000 на 1000 000 ((? – Л.К.)) населения, или более 2% всего населения США **осуждены уголовным законодательством**. Если мы будем сравнивать с одним только взрослым населением, то этот процент близок к цифре 2,9. Один из десяти человек – женщины. Это означает, что более **пяти** процентов всех мужчин отбывают наказание. Но большинство мужчин находится в том возрасте, который **не** подпадает под уголовное законодательство. Мы могли бы не говорить о старшей половине взрослого населения и уделить внимание на возрастных категориях мужчин, которые **обычно** подпадают под уголовное законодательство. Если мы это сделаем, то по грубым подсчетам

у нас получится, что минимум **десять процентов** более молодой половины взрослого населения США в настоящий момент находятся под контролем уголовного законодательства. Кроме того, что также знаем, что большинство отбывающих наказание – это чернокожие и латиноамериканцы. По моим оценкам, минимум 2- процентов мужчин из этих национальных меньшинств отбывают наказание. Мы знаем, что в крупных городах США более половины молодых чернокожих мужчин находится в местах лишения свободы. Весь остаток своей жизни большинство чернокожих и латиноамериканцев будет проводить в местах лишения свободы за деяния, которые квалифицируются как преступления.

Рост этих цифр в США воистину поражает воображение. В 1979 г. на 10000 ((? – Л.К.)) населения приходилось 230 заключенных, в сравнении с сегодняшними 649. В абсолютных цифрах за прошедший период количество заключенных увеличилось на один миллион. На юге и западе страны наблюдается необычайный рост тюремного населения. В 1995 г. в штате Техас в местах лишения свободы находилось 3,5% населения в целом (у меня нет более поздних цифр, взятых и официальных источников). В настоящий момент количество заключенных в Техасе составляет примерно 20 процентов всех молодых мужчин штата.

Если мы посмотрим на положение дел в этой области в Европе, то обнаружим, что самым большим тюремщиком является Россия. На 100 000 населения здесь приходится 685 чел. и можно утверждать, что Россия в этом отношении выиграла конкуренцию с США. Количество заключенных в России немного уменьшилось за последние годы, и будем надеется, что это первый шаг в сторону нормализации количества заключенных для Европы в целом и для России на период до ((?)) второй мировой войны. Но события, которые происходят в соседних с ней странах, а также в Балтийских государствах, не очень обнадеживают.

Если говорить о Западной Европе, то самым большим тюремщиком там является Великобритания, на 100 000 населения там приходится 125 заключенных. Наиболее разительный контраст по сравнению с Россией заметен по государствам, находящимся в непосредственной близости к России. Однако в Западной Европе сейчас наблюдается явная тенденция *роста* количества заключенных. Еще недавно Нидерланды служили примером высоко индустриализованного общества, способного обойтись без заключенных. Сегодня ситуация изменилась. Если в шестидесятые годы на 100 000 чел. там приходилось 30 заключенных, то сейчас эта цифра составляет 86 и будет превышать 100 в конце этого века. Маленькая Сло-

вения сегодня является лидирующей в Европе по низкому количеству заключенных. Сегодня в Словении, бывшей части Югославии, на 100 000 населения приходится 40 заключенных – факт, который не поддается объяснению.

Что касается скандинавских стран, то там пока количество заключенных достаточно низкое. В Норвегии на 100 000 населения приходится 64 заключенных, в 60-х годах эта цифра была ниже 40. В Дании 66 заключенных, а Швеции – 64. Этот показатель достаточно низкий, но, как и в Нидерландах, за последние тридцать лет количество тюремного населения в этих странах удвоилось. Финляндия является исключением. Количество заключенных у них было близко к аналогичным показателям в Восточной Европе, но благодаря политической воле они снизили количество заключенных до уровня своих скандинавских соседей. И им это удалось. Этот уровень не слишком низкий, но Финляндия занимает прочное место со своим соотношением 62 заключенных на 100 000 населения.

Если говорить о глобальной перспективе, Западной Европе предстоят тяжелые испытания. С одной стороны, исторически, количество заключенных в европейских странах невысоко. С другой стороны, перед нами стоят две опасные модели. Количество заключенных в США, лидере капитализма и модели для многих других стран, настолько высоко, что наши цифры по сравнению с ними кажутся совершенно ничтожными. Американские эксперты советовали нам поучиться их примеру, и многие наши полицейские эксперты и специалисты из тюремных учреждений ездили в Нью-Йорк. И есть еще Россия, с очень близкими цифрами. А остальные европейские страны тоже начинают испытывать трудности.

Такова ситуация. Мы живем в обществах,

Где нежелательные деяния легко воспринимаются как преступления

Где руководители большинства государств не в состоянии управлять экономикой

Где слабые государства становятся видимыми, если они подчиняют себе низшие слои

Где большинство представителей этих слоев находятся под контролем благодаря принадлежности к национальным меньшинствам

И где война с наркотиками является наиважнейшим инструментом для заполнения тюрем в высоко индустриализованных странах

Давая подобные характеристики, я одновременно даю рецепты, как защитить гражданское общество. Для того, чтобы защитить гражданское общество, нам необходимо выступать за устранение этих факторов. Я не буду комментировать каждый из этих пунктов. Остановлюсь лишь только двух наиболее важных.

Первое, это наркотики. Я являюсь одним из более ста человек, кто подписал письмо, направленное генеральному секретарю ООН Кофи Аннани 1 июня этого года. Это письмо было в тот же день напечатано в виде рекламы в газете «Нью-Йорк таймс». В этом письме мы просили генерального секретаря употребить свои полномочия для открытой и честной оценки усилий по борьбе с наркотиками. Мы писали:

«Мы считаем, что глобальная война с наркотиками в настоящее время приносит больше вреда, чем сами наркотики. Каждые десять лет ООН принимает новые международные соглашения, направленные в основном на борьбу с преступностью и наказание виновных, что ограничивает возможность отдельных стран разрабатывать свои собственные предложения по разрешению этой проблемы. Каждый год правительства принимают все более жесткие и чрезвычайно дорогие меры по контролю за наркотиками. Каждый день политики объявляют все более и более жестокую войну наркотикам.

Каков же результат? Согласно оценкам ООН, ежегодный доход от нелегальной продажи наркотиков составляет 400 миллиардов долларов, или приблизительно, восемь процентов всего торгового оборота в мире, и т.д.

Ужесточение этой политики приведет только к еще большему употреблению наркотиков, усилению наркорынков, появлению большего количества преступников, увеличению количества болезней и страданий».

В моей стране профессиональных торговцев наркотиками не так уж много. Однако есть много мелких торговцев, которые продают наркотики, чтобы как-то выжить. Одна треть тюремного населения – это торговцы наркотиками. Большинство полицейских считает борьбу с торговцами наркотиками своей основной задачей. Слабое государство выступает здесь в роли тюремщика, борющегося против удобного врага.

Моя вторая мысль – это предложение *альтернативных решений*, не связанных непосредственно с наркотиками, а применительно ко всем видам конфликтов в современном обществе. Моя идея очень проста. Я высказал ее в статье много лет назад, которая называлась «Конфликты как собственность». Идея, которую я пытался высказать, состояла в том, что в каком-то смысле юристов можно рас-

смагивать как людей, которые отбирают у людей их конфликты. Конфликты являются собственностью. Они являются как бы топливом социальной жизни. Их необходимо решать только с участием всех заинтересованных сторон. Существует два типа разрешения конфликтов. Один был выдвинут Моисеем, другие – женщинами у колодца.

Мы все знаем историю о Моисее. Он спустился с гор. В руках он нес скрижали, выбитые на граните, которые были продиктованы ему тем, кто находился существенно выше гор. Моисей был только вестником, а народ – слушателем, которого контролировали свыше. Много позднее Иисус и Магомет действовали по тому же принципу. Это классические случаи *«пирамидального правосудия»*.

Следующая история – это история о женщинах, наливающих воду из колодца, или встречающихся на привычном месте у реки. Они приходят туда каждый день в один и тот же час. Наливают воду, стирают белье, говорят друг с другом, дают оценки. Исходная точка их разговоров – это конкретные действия и ситуации. Они описываются, сравниваются с аналогичными фактами, которые произошли в прошлом или где-то еще, им дается *оценка* – правильная или неправильная, удачная или неудачная, аргументированная или неаргументированная. Постепенно складывается общее понимание тех или иных фактов. Это и есть процесс *создания* норм. Это классический случай горизонтального или *«эгалитарного правосудия»*. Конечно, не совсем эгалитарного. У некоторых одежда лучше, чем у других, некоторые происходят из более богатых семей, другие обладают более острым умом. Но по сравнению с Моисеем и расстоянием, между ним и теми, к кому он спустился, они равны. И их решения складываются в процессе.

С появлением законов, высеченных в граните, возникла идея единого закона. Одинаковые случаи должны рассматриваться одинаково. Но случаи никогда не бывают одинаковыми, если учитывать все обстоятельства. Поэтому, формально *нельзя принимать во внимание все обстоятельства*. Необходимо опускать большую часть факторов, имеющих отношение к деянию, для того, чтобы типологизировать тот или иной случай. Этот процесс призван устранять *несущественное*. Но что является несущественным, а что существенным – это уже ценностный вопрос. Для создания равенства необходима создать правила для нерелевантности ((? – Л.К.)). Это то, чему мы учим студентов-юристов.

Фиктивность равенства и его контроля посредством релевантности хорошо как защитное средство от боли. Но в то же время оно

превращает уголовный закон в крайне неуклюжий инструмент. Неуклюжий, поскольку вся информация при этом теряется.

Но это неудобство не так уж существенно в современном обществе. Живя в современном обществе, мы не знаем друг друга и никогда не узнаем ничего друг о друге. Это та ситуация, при которой уголовный закон можно применять безо всяких ограничений.

Правосудие женщин у колодца совсем иного сорта. Вот три основных различия.

1. Решения, которые принимаются, имеют отношение только к одному месту. Как решена та или иная проблема, представляет интерес только для жителей этой деревни.

2. Релевантность – центральная проблема, но без готовых решений. Необходимо достичь согласия между всеми заинтересованными сторонами относительно того, что релевантно, насколько релевантно и что нерелевантно. То, что 15 лет назад Пер обидел Кари, может иметь большое значение среди участников дискуссии, когда маленькая сестра Кари измазала маленького брата Пера смолой, а затем изваляла его в перьях.

3. У колодца вопрос компенсации имеет большее значение, чем вопрос о возмездии. Это связано с несколькими структурными элементами в малых обществах. Подобные общества зачастую относительно эгалитарны по своему характеру. Это не всегда означает равенство в уровне обеспеченности или престиже, а в том смысле, что *в случае* возникновения конфликтов, стороны объединяются с родственниками и друзьями и таким образом мобилизуются, пока по силам не становятся равными своим оппонентам. Многие такие общества находятся на большой дистанции от властей. Это означает, что им самим приходится решать возникающие конфликты. Это ситуация, когда люди знают друг друга достаточно давно, они понимают, что им предстоит жить вместе в будущем. Они не могут поступать так, как это делают современные люди: просто рвать отношения, иммигрировать в другие социальные системы в случае возникновения конфликтов. В этих системах наказания практически не имеют смысла. Наказание, причинение боли, означает гражданскую войну. В условиях, когда власти находятся далеко, начинают работать механизмы компенсации, а не наказания.

Это именно то, что происходит в реальности в современном обществе. Фирмы, между которыми возник конфликт, не всегда обращаются в суд. Они продолжают поддерживать свои отношения. Они живут в своего рода в гигантской деревне.

А что можно сказать об обычных людях и конфликтах, которые между ними возникают?

Женщин у колодцев больше нет. Но в индустриальных обществах в скором будущем должна появиться функциональная альтернатива. Это так называемые советы-посредники, или советы по альтернативному разрешению конфликтов, как их иногда называют. Они могут быть самыми разнообразными по форме, но суть их остается одной: стороны конфликта должны получить возможность поговорить друг с другом, с участием посторонних лиц, которые могут прийти им на помощь, цель этих встреч – дать оценку конфликту и компенсировать потери пострадавшей стороне, но не причинить вреда другому участнику конфликта.

Посредничество, в том или ином виде, можно рассматривать как попытку нейтрализовать существующие тенденции. В современном обществе посредничество стало вновь инструментом, позволяющим разгрузить системы, контролирующие преступность, а также восстановить добрососедские отношения. Это чрезвычайно обнадеживающий факт.

Сегодня в Норвегии практически во всех муниципалитетах страны есть посреднические советы. Мы называем их «konflikt-rad», что буквально означает «советы по разрешению конфликтов». Эти советы состоят из 40 основных филиалов, которые возглавляет работающий на полную ставку администратор. В их распоряжении от 7 до 800 посредников. Работа этих посредников оплачивается сдельно. Конфликтующие стороны могут напрямую обратиться в советы, но большинство дел проходит через полицию. В случае достижения согласия, полиция закрывает дело.

По моим впечатлениям (а я поддерживал тесный контакт с этими советами), развитие этой системы имеет достаточно удовлетворительные результаты. В самом начале полиция неохотно закрывала дела, но сейчас ситуация изменилась. В большинстве своем, конфликтующие стороны идут прямо в советы. Эти советы сейчас взяли на себя дополнительные обязанности. Они ходят по школам и учат молодых людей находить альтернативы насилию, стараться найти способ решить конфликт.

Усиление гражданской стороны нашего общества может произойти с распространения идеи, с понимания того, что контроль за преступностью основан на выборе. Это феномен культуры. Лишение свободы определенной части населения – это результат политических решений. Понимание этого может дать надежду на изменение существующего положения дел.

Nils
Institute
Faculty
University

of
of
of

Christie
Criminology
Law
Oslo

Box 6872, St. Olavs plass, N-0130 Oslo

Telephone: 47 22 85 01 22

Fax: 47 22 85 02 52

E-mail: Nils.Christie@jus.uio.no